

Т. И. Сурикова
Москва, Россия

ЛУКАВЫЙ ТЕРМИН И ЕГО ПРАГМАТИКА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены прагматические эффекты функционирования политико-экономической терминологии при обращении к оппозиции «народ — власть» в общественно-политическом дискурсе СМИ. Обобщенность семантики и, как следствие, произвольность трактовки термина, размытость референции, преобладание оценочного значения над номинативным становятся основой идеологии. Под влиянием основных особенностей СМИ все эти свойства номена приводят к развитию оценочной прагматической энантиосемии. Функционирование термина в противоположных оценочных контекстах, регулярная повторимость и поляризованная сочетаемость («воссоединение Крыма с Россией / аннексия Крыма Россией») ведут к поляризации и упрощению языковой картины мира, когда она сводится к противопоставлению по типу «черное — белое», а отношения коммуникантов в оппозиции «народ — власть» трактуются как «друг — враг», «коммуникатор — объект воздействия». Отдельно рассмотрены такие процессы, как рефрейминг дискредитированной идеологии и его процедуры, а также эффекты когнитивного освоения этого лексикона: выход за пределы терминосистемы и предметной области, детерминологизация, развитие полисемии, синонимии, возникновение словообразовательных дериватов. Поскольку в оппозиции «народ — власть» народ не всегда считается быть только объектом воздействия, но и оценивает и коммуникатора, и его язык, в данном случае определенные категории прежде всего политико-экономической терминологии, это порождает, в свою очередь, метаязыковой рефлексив «лукавый термин». Все упомянутые явления рассмотрены на основании обширного эмпирического материала, включающего и исторические факты, и современные контексты СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термин; идеология; метаязыковой рефлексив «лукавый термин»; рефрейминг; прагматическая оценочная энантиосемия; поляризация и выравнивание языковой картины мира; упрощение лексикона; когнитивное освоение термина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сурикова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; 103009, Россия, Москва, Моховая, д. 9, ауд. 204; e-mail: surikova_t@mail.ru.

В 1987 г. экономист Г. Ханин и журналист В. Селюнин опубликовали в «Новом мире» статью «Лукавая цифра», в которой первые в практике советских СМИ речь шла о лакирующей статистике — своеобразном научно-методическом эвфемизме. Эпитет *лукавая цифра* оказался настолько точным и созвучным общественному сознанию, что прочно вошел в лексикон СМИ и породил массу производных, среди них *лукавая наука, лукавый рейтинг, лукавые прогнозы* и под.

В этом ряду оказывается и оксюморон *лукавый термин*, распространенный в общественно-политическом дискурсе СМИ. Это — метаязыковой рефлексив, оценка данной вербальной единицы со стороны коммуникантов. В СМИ в сферу такого оценивания регулярно попадают номинации политического строя типа *демократия, социализм, капитализм, коммунизм, олигархия, тоталитаризм, диктатура, либерализм, сталинизм*; субъектов политической деятельности: *коммунист, демократ, либерал, нацист, националист, оппозиция, несистемная оппозиция, воин-интернационалист*; общественно-политических принципов: *свобода, равенство, патриотизм, национализм, сепаратизм*; состояний общества: *реформа, революция, переворот, бунт, оптимизация, кризис, стабилизация, застой, стагнация, перестройка*; юридических действий: *репрессия, реабилитация, амнистия, легализация, оккупация, воссоединение, аннексия, миротворческая миссия, антитеррористическая операция, агрессия, гуманитарная операция* и под.

Лукавыми оказываются термины и других предметных областей (*вялотекущая шизофрения, параноидальное состояние, тара, шоковая терапия, ВВП, отрицательный экономический рост*), когда оказываются вовлеченными в непростую область политики, отношений государства и граждан, текстовую и, шире, дискурсную оппозицию «народ — власть».

Свойства термина как основа формирования идеологии

В идеале свойства термина — объективность, эксплицитность и смысловая насыщенность содержания (термин — «имя сгустка смысла» [Никитина 1987: 29]), которые обеспечиваются наличием документально закреплённой дефиниции; безобразность, отсутствие синонимии, коннотаций и оценочности [Реформатский, 1996]. Эти качества обеспечивают возможность научного познания и административного, правового, законодательного, этического регулирования жизни общества.

Терминология и номенклатура (далее между ними не делается различий с учетом целей данной работы [Реформатский 1996; Рябова 2009]) — результат языковой рефлексии, профессионального анализа определенной предметной области и, следовательно, неизбежно отражают не только действительность, но и знания/представления о ней, формируемые у авторов в контексте истории и идеологии; убеждения и цели-установки создателей, а в коммуникации выполняют роль основного знакового, вер-

бального их носителя. Так что эксплицитность, смысловая насыщенность, объективность, отсутствие синонимии, многозначности и безоценочность — только семиотический идеал этой лексической подсистемы, по крайней мере для той части терминологии, которая в СМИ оценивается как *лукавая*.

Объективное логическое и семантическое свойство подобных лексем — обобщенность, дефицит сигнификативного содержания. В коммуникации это приводит к произвольной трактовке, возможности соотносить со словом любой референт. Например, строй современного Китая называют *социализмом*, *капитализмом*, *тоталитаризмом* [Китайская модель социализма <http>], современной России — *олигархическим/диким/клановым капитализмом*, а социально-политический строй Швеции, с его системой социальных гарантий, у нас был назван *шведской моделью социализма* [Дроздов 2003]. Выбор определяется не только действительностью, но и интенциями, убеждениями коммуникантов, лингвокультурным и историческим контекстом и может меняться.

Кроме того, сигнификативный дефицит подобной терминологии порождает произвольное понимание, неизбежный разнобой. Так, лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство» подразумевал под *свободой* отмену монархии, под *равенством* — отмену сословий и уравнивание всех в гражданских правах, с тем же значением термины переключались в русскую Февральскую революцию [Фельдман 2006]. Сейчас *равенство* понимается одними как *равенство в возможностях, стартовых позициях*, а другими как *одинаковое распределение благ* по принципу «всем поровну». Термин *свобода* в начале 1990-х гг. в целом был понят как *беспредел*, а в отношении СМИ — как освобождение от литературной и этической нормы вплоть до растабуирования мата.

В коммуникации эти свойства термина провоцируют развитие коннотативных, прагматических значений, которые в языке пропаганды становятся основными, формируют ядро идеологемы [Малышева 2009] — языкового знака, репрезентирующего мировоззренческую идею, ценность, часто с размытым денотативным значением и превалирующим оценочным. Оно формируется в определенных коммуникативных условиях под воздействием господствующей идеологии и стереотипов. Так, когда в 1970-е гг. власти стало ясно, что с обещанным в 1961 г. Н. С. Хрущевым *коммунизмом* «проблемы», появился *развитой, зрелый социализм*, а когда в 1980-е гг. в массовом сознании

идеологема *социализм* себя дискредитировала, придумали термин *социализм с человеческим лицом*. Каждый из социализмов содержал сему «лучше» — по сравнению с предыдущим, хотя от коммунизма отстоял далеко.

В языке СМИ подобные лексемы составляют слой концептуальной лексики, выражающей и формирующей мировоззрение [Рябова 2009; Солганик 1981].

Смена модуса, оценочная энантиосемия, рефрейминг термина

Термин в функции идеологемы (*демократия, либерализм, социализм, патриотизм* и под.) в коммуникации может менять оценочный модус, что происходит под воздействием просвещения / промывания мозгов, обнародования ранее неизвестных фактов, пропаганды (особенно при ограничении доступа к альтернативным источникам информации). Так, на Украине после 2014 г. происходит реабилитация идеологем *национализм, нацизм*, звание *Героя Украины* было присвоено С. Бандере, который до того считался нацистским преступником.

Термин, он же идеологема, может развивать прагматическую оценочную энантиосемию. Языковыми маркерами последней становится развитие полисемии, синонимии, словообразование, в том числе окказиональное, широкая сочетаемость [Сурикова 2015]. Скажем, термин *свобода*, имевший в начале 1990-х гг. положительную коннотацию и синонимы: *воля, вольность, приволье, раздолье*, — позже развил контекстуальную синонимию: *произвол, беспредел, вседозволенность*. Только реализованная сочетаемость *демократии* включает около 20 определений: *парламентская, управляемая, мажоритарная, прямая, социальная, социалистическая, электронная, протективная, имитационная, суверенная* и др. Окказиональные словообразовательные дериваты — *демокраДы, демокраДия, демокраДический*.

Смена оценочного модуса на отрицательный и развитие энантиосемии, если это нежелательно для коммуникатора, обуславливает необходимость рефрейминга — управляемой оценочной реабилитации идеологемы. Или же восстановление прежней оценочности — реабилитация происходит вопреки господствующей идеологии, стихийно. И то и другое явление демонстрирует российская история термина *демократия* начиная с русских революций начала XX в.

При том, что сигнификат *демократии* понимался единообразно всеми как возможность народа участвовать в управлении гос-

ударством (собственно говоря, это только номинальное определение, не более чем поэлементный перевод термина с греческого на русский), попытки ее претворения в жизнь вызвали трудности, обусловленные не в последнюю очередь сигнификативным дефицитом и неопределенной референцией понятия.

Так, Временное правительство, руководствуясь идеей демократии, распустило профессиональную полицию, заменив народной, непрофессиональной милицией, в результате взлетела преступность, *демократия* стала ассоциироваться с беззаконием, идеологема развила отрицательную оценочность, чем обусловились попытки ее рефрейминга. Так появились *революционная* и *социалистическая демократия*. *Демократия* была включена в идеологию нового государственного строя и дискредитировала себя вместе с идеологемой *социализм*. Но была реабилитирована в конце 1980-х — начале 1990-х гг. как элемент альтернативной общественной системы. Определение *социалистическая* от демократии отпало. *Демократия* была противопоставлена *социализму* и вернула себе положительную оценочность [Фельдман 2006].

В 1990-х гг. она стала центральной идеей политических и экономических реформ президента Б. Н. Ельцина и в массовом сознании скоро превратилась в *демокраДию*. Последняя попытка рефрейминга идеологемы — это сочетание *суверенная демократия* (В. Сурков), использованное в период парламентских и президентских выборов 2007—2008 гг.

Исследователь политической терминологии Д. Фельдман констатирует: «Каждый раз атрибут возле существительного показывал, что есть некая преемственность с прежними значениями, но все несколько иначе. Любопытно, что за все это время толком объяснить, чем же такая „революционная демократия“, „организованная демократия“, „социалистическая демократия“ отличается от демократии как таковой никто и не делал» [Февральская революция].

Преобразования происходили и с идеологемой *социализм*. Выше был рассмотрен ряд *социализм* → *развитой/зрелый социализм* → *социализм с человеческим лицом* (конец 1980-х гг.). Далее последовало господство идеологемы *демократия* с попытками рефрейминга, видимо неудачными, и сейчас в общественном сознании происходит реабилитация понятия *социализм* как идеи социальной защищенности и стабильности. Например: *Коммунизм был, но прошел незамеченным* (*коммунизмом* названа

существовавшая социальная программа социализма — бесплатная медицина, образование, жилье) [Коммунизм был, но прошел незамеченным [http](http://)].

Языковая техника рефрейминга/реабилитации идеологемы подразумевает одну из трех операций. Первая — уточнение термина определениями (*социализм* → *развитой социализм* → *социализм с человеческим лицом*; *капитализм* → *капитализм с человеческим лицом*); вторая — освобождение от определений (*социалистическая демократия* → *демократия*), если необходимо языковую оболочку идеологемы сохранить. Третья — замена термина, если надо создать впечатление перемен.

Скажем, в советское время массмедиа носили название *СМИП* — *средства массовой информации и пропаганды*, в 1990-х гг. их переименовали в *СМИ*: следуя концепции свободы слова, убрали из названия *пропаганду*, хотя и не перестали ею заниматься. Сам термин *агитация* и *пропаганда*, *агитпроп*, *пропаганда* стал контекстным синонимом *лжи* (*гербельсовская*, несколько позже — *советская пропаганда*), и от него стали открешиваться: еще в советские времена появилась система *политпросвета* — *политического просвещения*. В 1990-х им на смену пришел *пиар*, который тоже быстро себя дискредитировал, потом последовательно появились *политтехнологии* и *гуманитарные технологии*, из которых тоже начали «торчать уши» пропаганды, и сейчас возникла аббревиатура *РОС* — *развитие общественных связей*. Надолго ли? (В скобках заметим, что рефрейминг универсален, любое дискредитировавшее себя / низкостатусное явление можно реабилитировать переименованием: *гомосексуалисты* → *голубые* → *геи* → *ЛГБТ*; *уборщица* → *клининг-менеджер*; *извозчик* → *водитель кобылы*. Но эффект кратковременный, пока само явление оценивается отрицательно.)

Параллельно в последние годы происходит рефрейминг идеологемы *пропаганда* (передача «Агитация и пропаганда» с логотипом на экране «Агитпроп», «Россия-24»). Это языковой маркер переоценки советского прошлого.

Эффекты общественно-политического дискурса СМИ

Система идеологем (в том числе терминология) формирует идеологию, картину мира, мировоззрение. Это словарь вербального управления аудиторией, поскольку «предназначение политического дискурса — не просто «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения,

дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков 2002].

Медиацентризм современной культуры [Клушина 2014] и свойства самих СМИ: удвоение реальности («Можно говорить и о втором смысле реальности масс-медиа, а именно, о смысле того, что для нее или благодаря ей для других выглядит как реальность. Если использовать кантовскую терминологию, масс-медиа производят трансцендентальную иллюзию» [Луман 2005]); тематическая избирательность, актуальность (часто понимаемая как конфликтность, отступление от нормы), рекурсивность, т. е. включенность информации в контекст прошлого и будущего, ангажированность — обуславливают эту роль СМИ.

При этом функционирование идеологем в массмедиа сопровождается несколькими взаимосвязанными процессами.

Первый — это **поляризация и выравнивание языкового сознания** аудитории определенных СМИ. Медиа внедряют в общество определенный набор идеологем в повторяющихся контекстах и ассоциативных, эпидигматических связях.

Так, понятие *демократия* оценивается по-разному, но ассоциировано с Западом. Тема российского Крыма в освещении канала «EuroNews» раскрывается как его *аннексия, захват, оккупация, присоединение* к России, а сам полуостров как *оккупированная территория*, а в освещении российских государственных каналов «Россия-1», «Россия-24» — как *воссоединение, возвращение (в родную гавань)* [Строкова 2015: 86—90]; российские военные — как *зеленые человечки / вежливые люди*, смена власти на Украине — как *законно избранное правительство / хунта*, политический и военный конфликт южных областей Украины с Киевом — соответственно как *война России с Украиной* и как *борьба ДНР и ЛНР за суверенитет, антитеррористическая/карательная операция или гражданская война; законно избранное правительство / хунта, марионеточное правительство*; участники конфликта — *ополченцы / пророссийские сепаратисты, боевики, террористы; обычный бандит / человек, пришедший защищать народ от захватчиков* (об Арсене Павлове, позывной «Моторолла», убитом в результате покушения украинских спецслужб). Доказательство справедливости сказанного — многочисленные политические ток-шоу на телевидении. Причем языковое воздействие СМИ таково, что рядовой реципиент — не эксперт может его и не осознавать.

Второй — это **упрощение лексикона и**

его системных связей. Язык современных идеологем, как считает ряд экспертов, весьма бедный, как BASIC — прототип новояза у Оруэлла. Упрощение — его принцип, выраженный в сведении к оппозициям: *друзья — враги, хорошо — плохо, тоталитаризм — демократия; свобода — рабство, суверенитет — оккупация, Х. Клинтон как олицетворение западных ценностей — Д. Трамп как агент Москвы.*

Третий процесс — это **когнитивное освоение идеологемы аудиторией.** Маркеры его — детерминологизация, сериализация терминологии, метафоризация, смена референции, выход за пределы тематической области, вступление в процессы словообразования и установление системных лексических связей. Показательна в этом отношении медийная история термина римского права *враг народа*. В российских СМИ он появился в период сталинских репрессий как карательный инструмент и во второй раз активизировался в 1990-е с уточнениями: *враг грузинско-русского/эстонского/белорусского и другого народа* — и изменил референцию — как *враги народа* осознавались представители власти: *главный врач народа* (о министре здравоохранения М. Зурабове). В дискурсе СМИ сейчас термин время от времени дает себя знать очередными поисками врагов: *Кремль фактически легализовал термин „враг народа“, открыто поддерживая главу Чечни Рамзана Кадырова в перепалке с несистемной оппозицией* [Шевчук http].

СМИ — основная информационная среда общества и в оппозиции «народ — власть» посредник в создании картины мира в коллективном языковом сознании. Роль СМИ двойственна. Они выступают и как ретранслятор идеологии и языка коммуникатора (власти), и как ее комментатор, отражая языковую реакцию аудитории (народа). Метаязыковая оценка *лукавый термин* при словах перечисленных категорий — это одно из проявлений комментирующей роли СМИ [Шейгал 2004: 59].

ИСТОЧНИКИ

1. Коммунизм был, но прошел незамеченным // Метро. 2016. 29 сент. С. 1.
2. Китайская модель социализма. URL: <http://periskop.livejournal.com/1091437.html> (дата обращения: 25.01.2017).
3. Шевчук М. Зачем власти возвращают врагов народа // Деловой Петербург. 2016. 21 янв.

ЛИТЕРАТУРА

4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32—43.
5. Дешериев Ю. Д. Язык как орудие идеологии и как объект идеологической борьбы // Современная идеологическая

борьба и проблемы языка. — М. : Наука, 1984.

6. Дроздов В. В. Проблема типологии социально-экономического строя современной России в работах зарубежных аналитиков // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2003. Вып. 9. С. 79—83.

7. Клущина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66—73.

8. Луман Н. Реальность масс-медиа. — М. : Практикс, 2005.

9. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 30. С. 32—41.

10. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. — М. : Наука, 1987.

11. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1996.

12. Рябова Е. А. Номенклатура и термин // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2009. № 3. С. 98—100.

13. Солганик Г. Я. Лексика газеты: функциональный аспект. — М., 1981.

14. Строкова Ю. А. Тексты телевизионных новостных передач: лингвопрагматический анализ : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015.

15. Сурикова Т. И. Лингвистическая этика как критерий оценки речевой деятельности в дискурсе СМИ и направление исследований // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 109—118.

16. Фельдман Д. М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. — М. : РГГУ, 2006. 486 с.

17. Февральская революция 1917: 90 лет жизни политических терминов : интервью В. Тольца с Д. Фельдманом. URL: www.svoboda.org/a/377558.htm (дата обращения: 05.11.2016).

18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.

T. I. Surikova

Moscow, Russia

MISLEADING TERM AND ITS PRAGMATICS IN THE MEDIA SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with the pragmatic effects of the political and economic terminology used to describe the opposition "people-power" in the media socio-political discourse. Generalization of semantics and therefore arbitrary term interpretations, reference blur, prevalence of attitudinal meaning over nominative meaning become the basis of the ideologem. Under the influence of the media the main features of the name lead to attitudinal pragmatic enantiosemy development in the meaning. Functioning of the term in the opposite evaluative contexts, regular frequency and polarized combinability (reunification of the Crimea with Russia / Russian annexation of the Crimea) lead to the language picture of the world polarization and simplification, when it comes to the opposition "black and white", and relations between communicants in the opposition "people-power"2 are treated as "friend-enemy", "communicator-object of impact". The following processes are studied: reframing of discredited ideologems and its procedures, as well as effects of the cognitive development of the lexicon: going beyond the terminology and the subject field, the determinologization, polysemy development, synonymy, and occurrence of word-forming derivatives. In the opposition "people-power" people do not always agree to be the impact object, but they also evaluate the communicator and his language; this creates metalanguage reflexive, the so-called "misleading term". All these phenomena are considered on the basis of extensive empirical material, including the history and contemporary contexts of the media.*

KEYWORDS: *term; reframing; pragmatic attitudinal enantiosemy; lingual world picture simplification and polarization effect; lexicon reduction; term's cognitive absorption.*

ABOUT THE AUTHOR: *Surikova Tatiana, Candidate of Philology, Associate Professor, Russian Language Stylistics Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Kommunizm byl, no proshel nezamechennym // Metro. 2016. 29 sent. S. 1.

2. Kitayskaya model' sotsializma. URL: <http://periskop.livejournal.com/1091437.html> (data obrashcheniya: 25.01.2017).

3. Shevchuk M. Zachem vlasti vozvrashchayut vragov naroda // Delovoy Peterburg. 2016. 21 yanv.

4. Dem'yankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. M., 2002. № 3. S. 32—43.

5. Dresheriev Yu. D. Yazyk kak orudie ideologii i kak ob"ekt ideologicheskoy bor'by // Sovremennaya ideologicheskaya bor'ba i problemy yazyka. — М. : Nauka, 1984.

6. Dроздов В. В. Проблема типологии сotsial'no-ekonomicheskogo stroya sovremennoy Rossii v rabotakh zarubezhnykh analitikov // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie / pod red. L. I. Borodkina. M., 2003. Vyp. 9. S. 79—83.

7. Klushina N. I. Mediatizatsiya sovremennoy kul'tury i russkiy natsional'nyy stil' // Russkaya rech'. 2014. № 1. S. 66—73.

8. Luman N. Real'nost' mass-media. — М. : Praxis, 2005.

9. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. Vyp. 30. S. 32—41.

10. Nikitina S. E. Semanticheskiy analiz yazyka nauki: na materiale lingvistiki. — М. : Nauka, 1987.

11. Reformatskiy A. A. Vvedenie v yazykovedenie. — М., 1996.

12. Ryabova E. A. Nomenklatura i termin // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2009. № 3. S. 98—100.

13. Solganik G. Ya. Leksika gazety: funktsional'nyy aspekt. — М., 1981.

14. Strokovaya Yu. A. Teksty televizionnykh novostnykh pere-dach: lingvopragmaticheskiy analiz : dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2015.

15. Surikova T. I. Lingvisticheskaya etika kak kriteriy otsenki rechevoy deyatel'nosti v diskurse SMI i napravlenie issledovaniy // Aktual'nye problemy stilistiki. 2015. № 1. S. 109—118.

16. Fel'dman D. M. Terminologiya vlasti: sovetskie politichesk-kie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste. — М. : RGGU, 2006. 486 s.

17. Fevral'skaya revolyutsiya 1917: 90 let zhizni politicheskikh terminov : interv'y u V. Tol'tsa s D. Fel'dmanom. URL: www.svoboda.org/a/377558.htm (data obrashcheniya: 05.11.2016).

18. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — М., 2004.